

ЧЕЛОВЕК И МИР: КАЗАХСКАЯ НАЦИОНАЛЬ- НАЯ ИДЕЯ

МРНТИ 02.61.25

К.Ш. Нурланова¹

¹ Казахская Национальная Академия искусств
им. Т. К. Жургенова,
Алматы, Казахстан

ЧЕЛОВЕК И МИР: КАЗАХСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ

Аннотация

В работе впервые сформулировано, научно обосновано и содержательно раскрыто понятие «общение» как всеобъемлющая национальная идея. Во все времена человека волновали проблемы формирования самочувствия. Оно зависит от уровня, широты связей его с миром, видимых и невидимых, от которых в конечном счете зависят продолжительность жизни, качество жизни, смысло-жизненная содержательность бытия и понимание органичной необходимости связи с миром Вселенной для полноты чувства жизни. Самочувствие – не только как физическое состояние, но и как эмоционально-интеллектуальная, душевная и психологическая комфортность – должно быть полноценным, тогда сияют глаза, лучится улыбкой лицо, пронизана тихим светом вся жизнь при всей ее многотрудности. Во многом, если не во всем, оно зависит от того, насколько верно выработано отношение человека к себе, к другому человеку, к обществу, природе, Вселенной. Общение – как особая духовно-универсальная форма взаимоотношений с Миром как целым, лежащая в основе всей казахской традиционной культуры во всех ее формах, является всеобъемлющей национальной идеей. Общение с Человеком, понимаемое казахами как смысл бытия, общение с миром травы, воды, со Вселенной, данное с младенчества, одухотворяет всю жизнь человека. Оно же даровало глубокое благодарно-благое отношение ко всем проявлениям жизни.

Ключевые слова: общение, мироотношение, духовно-универсальная форма, казахи, национальная идея.

Введение

Мирозерцание

Сопричастность к жарық Дүние – «светлой Вселенной», осознаваемая как особая духовная тональность, – универсальное основополагание

казахской традиционной культуры мироотношения. Известно, что «величие человека, его активность проявляются не только в деянии, но и в созерцании, в умении постичь и отнестись правильно ко Вселенной,

к миру, к бытию». В созерцании как способе мироотношения казахов – выражение отношения человека и мира как изначальной целостности. Глубокий концептуальный смысл отношений «человек и мир» казахский народ выразил в художественно-образной форме: «бұл дүние – біртұтас», т.е. человек и мир изначально безраздельно взаимосвязаны. Это основополагающее, выражающее целостность отношений «человек и мир», выражено в целостной же образной форме. И здесь следует указать, что образная форма, в отличие от понятийной, благодаря своей целостности выражает мир и мир отношений во всей полноте, не страдает «недостаточностью», присущей понятийной форме. Понятие в известной мере «частично», оно выражает уровень связей, верный лишь на какой-то определенный период (к примеру, десятилетний или столетний) исторической эпохи и т. д., оно не в состоянии охватить и выявить все уровни взаимосвязей.

Методы

Целостный же подход к проблеме дает возможность раскрыть духовный универсум, систему взглядов на мир, которая доминировала в традиционном казахском обществе. Представления о пространстве и времени дают, например, возможность понять, какими особенностями обусловлена модель мира, запечатленная в казахской культуре. Исследования последних десятилетий показывают, что все большее распространение получает признание за архаичным сознанием особой стратегии освоения мира, которая реализуется в художественно-эстетических образах. Здесь надо отметить, что в основе мироотношения лежит комплекс глобальных идей, который воплощался

в разнообразных – но единых по сути – представлениях, образах и в поведенческой культуре. К примеру, одна и та же идея репродуцировалась на разных уровнях и выражалась разными кодами (только такой способ упорядочения действительности придавал мировоззрению всеобщность и обязательность). Глубокое богатство в его бесконечной раскрываемости и в том, что в традиционном мироотношении не противопоставляются рациональные и иррациональные моменты.

Созерцание как способ формирования отношения к миру и отношений с миром лежит в основе казахской традиционной мироотношенческой культуры. Важно при этом отметить такую качественную особенность, что созерцание, будучи способом постижения – приближения Вселенной в целом, лежит в широком смысле в основе философского отношения к жизни, к бытию.

Смысло-жизненное содержание отношения казахов к человеку, природе, Вселенной выражено концептуально.

Созерцание как традиционная культура формирования отношения к миру и отношений с миром имеет многоуровневые содержательности. Прежде всего, следует сказать о созерцании как мироотношении, способе формирования и развития отношений с природой, Вселенной, основой же самого созерцания и его сутью и одновременно его результатом является общение.

Общение в казахском языке выражает разные его уровни, естественно:

- 1) қарым-қатынас – «общаться, сообщаться непрерывно»;
- 2) келіп-кету, қатынас – «видеться, встречаться, общаться»;

3) сіз-біздесу – «общаться»;

4) араласу – «общаться»;

5) іштесу – «общаться».

Слово «іштесу» включает в себя все вышеуказанные смыслы, но охватывает наиболее глубокий смысл общения, сосредоточено на его внутреннем, потаенном душевно-духовном уровне, едва ли не позволяющем приблизиться к «краю» тайны общающихся, захватывает внутреннее, порой невыразимые вовсе, но от этого не менее значительные уровни эмоционально-интеллектуального мира. По этой причине такое общение и называется іштесу: «іш» – это внутреннее, нутро, внутренности: т.е. обменяться этим внутренним, «нутряным» уровнем потаенно-богатой душевности, духовности. Но для такого уровня общения должны быть истинная искренняя взаиморасположенность, взаимораскрытость, взаимопиететность, душевная трепетность и никогда не кончающееся взаимоузнавание, т.е. взаимообщение. Это созерцание-общение как мироотношение, как способ формирования таких отношений с природой, со Вселенной, которые не подавляют человека, не вызывают чувства дискомфорта ввиду бесконечности Вселенной, но возвышают, одухотворяют его, усиливают прилив жизненных сил и чувствований.

Созерцание Вселенной как бесконечности, восприятие ее гармонии и красоты, не подавляющей своей грандиозностью, но возвышающей, вдохновляющей, свойственно поэзии жырау-эпиков.

Полнота понимания характерна для эпиков во всем, особенно в их ощущении природы, взаимосвязи с ней. Вот как природу живописует Казтуган

– так, словно присутствует при ее творении:

Жабағалы жас тайлақ
Жардай атан болтан жер
Жатып қалған бір тоқты,
Жайылып мың қой болған жер.
...Боз сазаны тоқтыдай,
Балығы тайдай тулаған,
Бақасы қойдай шулаған,
Шырмауығы шөккен түйе таптырмас.
Балығы келге жылқы жаптырмас.

На моей родине верблюжонок
Вырастает в гороподобного атана.
Один ягненок в тысячную
Отару разрастается,
А сазан там с ягненка,
А рыбы играют, как жеребята,
А лягушки шумят, словно овцы,
А трава скрывает верблюда,
А река так переполнена рыбой –
Коней не напоить!

Что за природа! Слышишь, как она дышит, обоняешь, как она благоухает, осязаешь вкус воды, так переполненной рыбой и так вскипающей ею, что кони пугаются, не могут утолить жажду.

Читая толгау, будто видишь живые мгновения откровений той природы, которой светила «первоначальных дней звезда». Воссоздана действительность в таких художественных образах и такой динамике, что очень живо передается представление о том, как чувствовал человек природу, как был неотъединен от нее, такова, по словам Гёте, сила этой «созерцающей способности суждения». «Поэзия – зрелая природа», – писал он.

Могучая эпическая натура жырау находится в неуловимом и нерасторжимом единстве с окружающей природой.

И в то же время даже ему как

будто едва хватает напряжения содержательной и созерцательной выразительности слова, чтобы передать эту вскипающую в своей животворности силу природы. За таким мироощущением стоит великий опыт общения с природой, который даровался бытием в ней и вместе с ней, а не пребыванием перед ней и над ней.

Здесь следует сказать о той созерцательной практике, в основе которой лежит целостность опыта как такового.

Отношения с природой неотъединенного от нее человека, не противопоставленного ей, а однородного с ней, естественны. Это созерцание как способ освоения природы, созерцание Вселенной как бесконечности (Бухаржырау), восприятие ее красоты, не подавляющей своей грандиозностью, но возвышающе-вдохновляющей (Казтуган), слушание-слышание музыки сфер Вселенной в ее бесконечном движении (аль-Фараби)... И здесь важное значение имеет реально-практический способ построения своих отношений с миром Вселенной как взаимообщение.

Результаты

Созерцание как богатая мироотношенческая культура имело место благодаря развитому воображению. Значение продуктивного воображения трудно переоценить. ведь именно оно лежит в основе отношения к природе, ко Вселенной в целом – как к вечности и красоте. Благодаря развитому воображению, интуиции и возникает возможность «узреть» неохватные миры Вселенной, ее видимые и невидимые сферы, ее грандиозность и бесконечность.

В целом созерцание как особая

исторически развивающаяся способность восприятия полноты и бесконечности мира на уровне философско-эстетической интуиции дало возможность художественно-образного воплощения целостности отношений «человек и мир» в традиционной культуре.

Грандиозная картина Мироздания, встающая перед зримым и духовным взором человека во всей своей бесконечности, не подавляла его благодаря опыту духовно-практического общения с ним, которое включает в себя общение как взаимность.

Креативность этих отношений общения зиждилась на понимании бытия человека в природе, в ней и вместе с ней. Уникальность опыта созерцательности заключается в том, что она включает в себя общение с природой, Мирозданием в целом как необходимую жизненную силу.

Жизнь кочевого общества была такова, что человек подолгу находился наедине с самим собой и с природой. Уход за многочисленными табунами лошадей, отарами овец был сколь труден, столь и уединен. Все жизненное самочувствие кочевников глубоко связано с осознанием гармонической взаимосвязи мира человека и природы. И самое главное, это осознание не эпизодическое, вдруг или одномоментно особенно остро ощущаемое (что само по себе немало), но оно, это ощущение целостной взаимосвязи, охватывало всю жизнь человека, начиная с момента его рождения, пронизывало все уровни бытия, включая сферы эмоционально-интеллектуальной и духовно-практической жизни. Драгоценность этого опыта общения заключается в том, что в течение всей своей жизни человек опирается на всю

полноту этого душевно-духовного опыта «практического» общения со Вселенной, а именно на жизненно-практический, духовно-интеллектуальный, эмоционально-ценностный смысл его.

Очень важно раскрыть здесь основополагающую особенность общения – оно не сводится лишь к познавательным моментам, к познанию: более того, общение по природе таково, что оно в известном смысле превосходит сам познавательный процесс, так как в результате общения глубоко раскрываются бесконечное богатство и неповторимость и человека, и мира.

И в таком общении приходят в движение, раскрываются, расцветая, такие слои и уровни, которые и возвышают человека, и одновременно радуют его. Он испытывает не только естественное восхищение сияющей красотой и бесконечностью Вселенной, но и одновременно чистую радость человека за самого себя, могущего вступать в такие одухотворенно-гармоничные отношения с Мирозданием.

Основополаганием для душевно-духовного равновесия человека является в казахской традиционной культуре мироотношения глубоко проникновенное и благоговейное приятие Мира во всей полноте его и совершенстве, выраженное в тайной и явной формах взаимосвязи.

Именно это основание является кардинальным для комфортного состояния души – көңіл. Общение ради общения, не связанное ни с какими мотивами утилитарности, рациональности, практической заинтересованности и т.д., направленное на самого человека, на его душевно-духовное состояние-настроение – көңіл. Понятие «көңіл-кешу» – комфортное душевное состояние-настроение –

одухотворяет весь мир отношений человека, оно в первую очередь имеется в виду при всех неисчислимо-разнообразных явлениях жизни. Так, если приходится выдавать дочь в очень отдаленный край, то отец девушки выдвигает два условия для близких родственников жениха: первое – если из-за дальности расстояний не смогут вовремя поздравить с радостью, то пусть «көңіліне алмасын», т.е. пусть это не отразится на их душевно-духовном настроении-состоянии – отношении к ним; второе – если не смогут вовремя разделить горе и печаль – «көңілі қалмасын», пусть не отказывают и в своем душевно-духовном настроении.

Невозможно переоценить одухотворенно-проникновенное душевное Состояние человека, вызванное его отношением-общением с Дүние–Вселенной. Оно задает главный, глубинно-потаенный тонус душе, внутренне освещает-одухотворяет жизнь каждого человека, и потому все, что приносит-дарует жизнь человека и жизнь человеку, воспринимается в свете этого душевного свето-мира.

Отсюда и великая терпимость народа, ставшая одной из его главных характеристик и вылившаяся в художественнообразную оформленность: «қазақ қой аузынан шөп алмайды» – «казах не вынет и травинки изо рта овцы» (подстрочный перевод).

Все внимание казахов сосредоточено на көңіл көншуі; есть выражения «көңіл көншу», «көңіл беру», «көңілденшығу». Спрашивают бесконечно: «Көңілі қалай?», «Көңіл күйі қалай?», «Көңілі көншіді ме?», «Көңілі жайлы ма?» и т.д. Беспокоятся: «Көңілі қалмады ма?», «Көңіліне тиіп кетпеді ме?», «Көңіліне тиді ме?» ит.д. – «Какое душевное настроение-состояние?», «Хорошее ли

настроение-состояние?», «Удовлетворено ли душевное настроение-состояние?», «Не изменилось неблагоприятно настроение?», «Сумел ли проникнуться его настроением?», «Нашел ли необходимый уровень, чтобы найти унисон настроению?», «Не стало ли что-либо воспринятым тяжело для настроения?»

Самое лучшее пожелание на свете для девушки, женщины: «Ердің көңілін берсін, бұлбұлдың таң қызығын берсін» – «Да будешь одарена задушевым состоянием-настроением мужчины, да будешь одарена счастьем радости соловья, поющего на рассвете».

По этой причине традиционные терме и толғау сосредоточены на том, как следует поступать и как не следует поступать, чтобы не нарушить көңіл – настроение-состояние души человека (көңілін қалтырмау), т.е. надо относиться чутко и бережно к затаенно-задушевному миру человека, «обидев» который, уже не сможешь повернуть человека лицом к себе, т.е. потеряешь его душевное расположение. У казахов была развита до уровня культа обращенность к көңіл, т.е. к тому уровню творящего душевно-духовного мира человека, который и делает в известном смысле человека человеком.

Характерно, что в обрядовой культуре, в художественно-словесной культуре, в культуре обыденного общения центром является көңіл – настроение человека (всегда речь идет именно о көңіл, т.е. сама традиционная культура мироотношения сформировала уровень сосредоточенности в внутреннем мире человека, поэтому и всеобщим является принцип обращения с человеком – көңіл табу, т.е. найти именно тот слой, тот нюанс, ту потаенную сферу, тот уровень душевного состояния человека и так

его затронуть, чтобы вызвать улыбку, удовольствие, чтобы человек радостно отозвался той же потаенно-заветной задушевностью.

Отношение к миру и отношения с миром на уровне іштесу:

- общение изнутри, устремленность навстречу друг другу;
- пронизывает всю жизнь человека, это внутреннее, глубоко одухотворенное чувство-осознание живет в человеке всегда и дарует такой смысло-жизненный уровень и такую высоту эмоционально-интеллектуальных и психологически богатых чувств, что выработалась постоянная потребность благодарить каждое мгновение жизни и каждое состояние мира, глубоко зная о себе и о мире, что они – «разнородственные неотторжимости» – біртұтас.

Это отношение к миру наполняет глубоким смысло-жизненным содержанием обыденное бытие человека, и благодаря великому умению «правильно отнестись ко Вселенной, к миру, бытию», постигая тайну общения с Мирозданием, он сумел выработать естественное отношение к вечному миру. Интересно, что на казахском языке мир вещей тоже называется дүние, т.е. отдается должное значение этому вещному миру, так как он всегда окружает человека. Таким образом, казахи не преуменьшали значения мира вещей, знали и значение его для человека, и силу его притягательности.

Неслучайно в традиционных терме и толғау неустанно дается оценка мира вещей только как мира именно вещей.

В них звучит предупреждение – не переоцени значимость вещей, иначе упустишь красоту жизни, бытия в целом.

Глубокий уровень отношений с миром Вселенной дарует такие

богатые, невыразимо проникновенные ощущения-осознания причастности к Мирозданию, что казахи мощно и достаточно однозначно охарактеризовали мир вещей – «дүние-қоңыз» (қоңыз – «навозный жук»), точно указывая, что мир вещей есть мир низкий.

Эта образная характеристика полностью раскрывает отношение к материальному вещному миру; поскольку сама Вселенная является постоянным адресатом – «собеседником», вполне естественно, что вещный мир в жизни казахов занимает лишь принадлежащее ему место, это во-первых; во-вторых, кочевой образ жизни диктовал так или иначе разумное количество вещей; в-третьих, вещи ценились не только сами по себе, но и как возможные подарки, как способ обрадовать человека, одарить его.

Страсть к деланию подарков так же свойственна казаху, как страстная привязанность к поэтическому слову: и то, и другое может наилучшим образом помочь «көңіл табу» – найти душевный настрой, настроение-состояние, словом создать комфортное душевное состояние.

Тихое, ровное, внутренне-непрерывное общение-взаимосвязь лежит в основе жизнебытия кочевника. Ведь обыденная жизнь трудна именно своей монотонностью, однообразием, внешней бессобытийностью, а уж жизнь всегда наедине с природой в особенности. Но в результате верно сформулированного способа бытия в мире и с миром это однообразие воспринимается как бесценное благо. Обыденная жизнь, одухотворенная изначальной и органичной связью с миром, полна внутренней эмоциональной глубины, человек живет

в гармонии и в ладу с Миром и в мире с самим собой. Именно это является живительным воздухом всей жизни человека, и эти отношения нашли естественное выражение во всей его культуре как его осмысление жизни, бытия, Мира в художественно-образной форме. Глубинным смыслом этой взаимосвязи проникнута вся жизнь. Она закреплена в обычаях, обрядах, запечатлена в орнаментальных узорах, в поэтических летописях – шежіре, это взаимоотношение-взаимообщение с природой является основой внутренней богатой духовной жизни человека, доминантой в отношении к человеку и миру в целом. Доминантой жизненного поведения является понимание сопричастности, взаимосвязи земного бытия со вселенскими, космическими сферами. Сам по себе уровень такого осмысления вызывает чувство глубокого пиетета, но еще больше впечатляет одухотворенность обыденной жизни человека гармонией этих отношений, она, в известном смысле, лежит в основе философии жизни казахов.

Известно общераспространенное негативное понимание будней в европейской культуре нового времени. Отсюда выражения «серые будни», «однообразные будни», «тоскливые будни» и т.д. Они весьма красноречиво выражают отношение к обычной жизни, обыденности с негативным эмоциональным оттенком.

Эти, на первый взгляд безобидные, оценки таят в себе опасность, изнутри подрывающую жизнь человека (в морально-психологическом аспекте), так как они сказываются на уровне неосознаваемого, но постоянного дискомфорта, а то и конфликтности, что не способствует продлению жизни.

В понимании казахов будни – в их

неизменной чередой с неизменными обычными заботами и радостями – желанными, благословенными. Казах, здороваясь, спрашивая, как дела, бывает глубоко удовлетворен, услышав ответ: как обычно, как всегда. Это значит – не нарушено течение обычной жизни, значит, и травы зеленеют, и звезды сияют по-прежнему, т.е. человек их воспринимает, не отвлечен от красоты мира и жизни никакими катаклизмами.

Поэтому по традиции положено благоговейно встречать утро дня, благодарно прощаться вечером с днем уходящим, умиротворенно вздыхая и одновременно сожалея, что день прошел, зная, что эти мгновения, этот день неповторимы в круговороте и жизни, и природы.

Дискуссия

Человек – цвет земли – свет мира:
Полилог

У казахов ощущение и осознание взаимосвязи с миром Вселенной дается человеку с младенчества, поэтому мирозерцательная культура не остается на уровне абстрактной значимости, но переходит, переливается в душевное чувство равновесия с миром, породненное с ним; и это душевно-духовное чувство полно глубокой умиротворенной благоговейности. Эти отношения с миром глубоко покойны и незыблемы, максимально приближают к тайне бытия, к тайне жизни и потому смыслодержательность жизни каждого человека неисчерпаема, также, как и драгоценность самого дара жизни бесконечна. Этот мир отношений, пронизывающий жизнь человека, накладывающий неповторимые оттенки на все жизненное поведение во всем его разнообразии, в то же время приближает к пониманию

богатой внутренней духовной жизни каждого человека. Особенным образом раскрывается бытие феномена «мудреца» в казахском обществе в связи с этими отношениями общения.

Все жизненное самочувствие кочевников проникнуто осознанием глубокой и гармоничной взаимосвязи человека и мира. Казахская обрядовая культура с младых ногтей формирует этот контекст мироотношения и соответствующего образа жизни и жизненного поведения.

Вся она одухотворена красотой и поэзией изначальной сопричастности – общения человека и природы, человека и Вселенной. Мир – дүние – является изначально благотворно расположенным собеседником. Общение начинается уже тогда, когда мать еще носит ребенка под сердцем.

Огромное значение казахи придают запахам, аромату, который должен почувствовать ребенок, поэтому в определенное время осуществляют специальное купание и полоскание водой, настоянной на траве жусан (полынь), «окутывают» ее дымом арчи и т.д. Запах полыни потом навек входит в плоть и кровь ребенка, родившись, он этот запах «узнает» не только внутренне – обонятельно, как прежде, но и зрительно, трава полынь не просто красива для кочевника, она прекрасна. Полынь одухотворена этически и связана неразрывно с обликом родины и образом степи.

Запах жусана (полыни) ребенок «узнает», еще будучи под сердцем матери. Существует множество поэтических легенд о жусане, возвратившем человеку память о родине, вернувшем на родину, достаточно упомянуть имена хана Артыка, султана Бейбарса.

В эту пору особенно следят за

самочувствием матери и ее ребенка, которого она носит под сердцем. Заботятся, чтобы она кушалакөбік – пену кобыльего молока – и смазывала ею лицо, чтобы уберечь его от возможных пятнышек. Пена кобыльего молока – көбік – благотворно воздействует на самочувствие женщины (в настоящее время в лечебницах широко используют кислородный коктейль, тоже своего рода көбік, то есть пену). Но это лишь одна сторона значения обычая «кушать пену». Другой смысл его заключается в передаче-переливе в ребенка запаха, цвета и света мира, в который он придет.

Свет и блеск мира, который ожидает его рождения, передается младенцу через көбік благодаря воздуху, попадающему в него, его в очередной раз «знакомят» с миром через запах. В раннюю зоревую дойку кобылицы во время доения над молоком поднимается синевато-снежная пышная пена, ею кормят молодую мать, чтобы младенец ощутил предрассветный тайно-ночной запах земли и мира; в вечернюю дойку во время доения над молоком поднимается матово-сияющая пышная пена, ею кормят молодую мать, чтобы ребенок ощутил запах дневной, яркий, теплый запах земли и мира. И этот запах и аромат навсегда связаны с бесконечным светом и цветом Земли и Вселенной – жарық Дүние. (Известно, что казахи детей нюхают, вдыхают их запах. И человека, по которому стосковались, прежде всего нюхают, вдыхают его запах, т.е. вбирают его в себя, общаясь с ним на таком уровне, потому что запах, будучи столь эфемернолетучим, является на самом деле его тайной сутью. Об этом очень много знают казахи. Есть много легенд и песен, но здесь неуместно подробно останавливаться на этом.)

Это полное глубинного смысла

общение с ребенком приобретает особенную интенсивность и содержательность, когда младенец достигает возраста шести месяцев. Особенным образом в этот период внимание сосредоточено на душевном самочувствии женщины. Как можно чаще в это время для нее устраивают праздник настроения невестки «келін көңілі» (келін – «невестка», көңіл – «настроение»). Молодежь аула специально приглашается на этот праздник.

Приходят поэтому с особенным настроением; полагается, чтобы невестка как можно больше смеялась, как можно больше слушала песен и кюев. Казахипонимали мироотношенчески-созидательное, креативное психологически-комфортное значение смеха, знали особенный свет смеха, поэтому совершали этот обряд-праздник.

Известно благотворное физическое влияние смеха, но особенное значение казахи придавали смеху как выражению полноты и радости отношения к жизни, счастливого самочувствия, т.е. его духовно-творящему смыслу.

Казахи знают необыкновенной красоты смех хана Аблая, и сегодня о его смехе рассказывают легенды. Когда он смеялся, лучились его глаза, сияло лицо, он весь светился – и потому начинало сверкать и блистать все вокруг – мир смеялся и радовался вместе с ним! Когда он хмурил брови, трудно было вообразить, что на свете бывает улыбка. Такой он был цельный, необыкновенный человек. Старики рассказывают, что точно так смеялся его внук Наурызбайбатыр.

Далее для юной матери совершается обряд «ұзынтолғақ» (ұзын – «длинный, протяженный», толғақ – «схватки») –

очень сложный обряд, включающий много уровней: прежде всего словесно-художественные и песенно-музыкальные образы «рассказывают-передают» ребенку «информацию» о предстоящем «пути», другой уровень включает «операции», обеспечивающие внешнюю привлекательность ребенка: «айдай сұлу, оттай жылы болсын!» – «чтобы красивым, как месяц, был; чтобы теплым, как огонь, был».

Затем совершается обряд «орта толғақ» (орта – «средний», толғақ – «схватки»), когда ребенку семь месяцев. Вот с этого периода считается, что и сам ребенок активно начинает готовиться к встрече с миром. С этим связана богатая эмоционально-смысловая нагруженность обряда: во-первых, поддержать его в том, что замечательно прав; во-вторых, так помочь ему теперь, чтобы он не заспешил, и это самое главное.

И наконец, когда ему уже восемь месяцев, совершается обряд «айтолғақ» (ай – «месяц», толғақ – «схватки» – схватки месяца). Здесь «ай–месяц» имеет смысл и календарный (один месяц остался до рождения), и мироотношенческий (ай – «свет месяца», существует у казахов особенная эстетика этого света).

В связи с этой особенностью обряд полон света: ожидания и радости и матери, и всех окружающих родственников, и мира в целом. Этот обряд овеян особым высоким душевным и духовным настроением, передающим потаенно-осознаваемую взаимосвязь с миром Вселенной и тайной самого рождения.

Перед рождением ребенка совершают обряд соприкосновения – связи с Землей: кеудесі түкті, Жер-Ана, күш бер, қуат бер! В процессе

этого обряда молодую мать старшие матери заставляют коснуться босыми ногами Земли, спрашивая и благословения, и поддержки, и одновременно сами благословляя. Это этически и эстетически значительный обряд, раскрывающий глубоко одухотворенный и теплый уровень отношений со Вселенной.

Родившемуся ребенку, еще не перешедшему в колыбель (бесік), мать, поглаживая, лаская, лелея, напевая, приговаривает: «не мои руки – Матери Умай руки, Умай-Ана ждала и приветствует и приемлет тебя в этом мире». Младенцу сразу передается, теперь уже на уровне осязания-ощущения и в форме тактильного общения, и напевно и словесно-образно, что Богиня жизни и мир ждали его, радостно приемлют его (хотя он «знал» об этом еще до появления на свет, поскольку для него и его матери, по мере его развития, совершали около семи обрядов).

Для младенца тактильное общение является одним из главнейших источников получения информации и одновременного формирования отношения к миру. В казахской традиции очень много внимания уделяется первым дням и первым месяцам жизни младенца, ведь именно в первые мгновения жизни нужно создать ребенку как можно больше комфортности душевно-духовного плана в новых для него условиях. Первые дни и месяцы являются очень трудными для ребенка. Для того, чтобы он легче и лучше смог справиться с этим важнейшим первоначальным периодом, теперь постоянно осуществляют обряд «сылап сипау-әлділеу» – «смазывая-поглаживать-припевать-приговаривать». Огромный объем информации в этот период развития ребенок получает уже

через тактильное (непосредственное прикосновение к телу ребенка ладоней матери) общение наряду с напевно-образным сопровождением. Старшие матери не устают повторять юной матери, чтобы она больше внимания уделяла именно этому «поглаживанию-приговариванию»: тогда ребенок лучше растет. Этот обряд должен быть неустанно повторяем, чтобы младенец «усвоил» это радостное приятие его миром с молозивом матери (не с молоком матери, а именно с молозивом – «узынан жарыту»). Здесь подчеркивается трепетность и значительность встречи младенца с миром и важность душевно-благоейного и радостного вхождения в жизнь и мир.

Все периоды жизни младенца освящены обрядами, вводящими в мир и одновременно и закладывающими и развивающими в нем чувство драгоценности жизни. Таков, к примеру, обряд, посвященный важному моменту в жизни ребенка – «переходу» в колыбель (бесікке салу). Этот обряд особо почитается, устраивается празднество, на котором присутствуют в основном женщины и дети. Положить ребенка в колыбель поручается особенно почитаемой женщине с благородными, нравственными свойствами характера. Сам процесс начинается с песнопения: колыбель ребенка – дверь Вселенной (баланың бесігі – кең дүниенің есігі – Төле би). Этот мотив многократно повторяется, каждый раз сопровождаясь благопожеланиями здоровья, жизненной силы, красоты младенцу; рассказывают – поют – ему, что он хорошо растет, уже переходит в колыбель, в которой он тоже так же быстро будет расти, потому что колыбель его в тоже время есть дверь Вселенной, иона, о чем он уже знает,

радостно благословляет его жизнь, приемлет его.

Важный момент – первые шаги ребенка. Этому периоду уделяется особенно много внимания, так как важно, как пойдет ребенок, имеется в виду не только сама ходьба как таковая, т.е. физический аспект, но и как будет складываться жизнь ребенка, с какой полнотой и содержательностью. Этот праздник бывает особенно приподнято-поэтичным, он называется «тұсау кесу» – праздник «перерезания пут».

Ножки ребенка перевязывали черно-белой туго свитой веревочкой, причем перевязывали свободной «восьмеркой», узел которой приходился с внешней стороны ножки ребенка. Пути торжественно перерезает заранее приглашенный человек, привлекательный какими-то качествами своей натуры. Обряд глубоко значителен как в духовно-мироотношенческом, так и практическом плане. Смысл самого перерезания пут заключается в том, что малыш быстро и легко научится ходить, будет легким на ногу, легким на подъем. Более глубокий («взрослый») смысл заключается в пожелании, чтобы в ребенке по мере взросления росло, развивалось, раскрывалось все то, что в нем заложено от природы, преодолевая те «пути», которые будут встречаться на этом пути. Здесь очевиден мировоззренческий смысл понимания человека как существа становящегося, развивающегося, бесконечно совершенствующегося. Благовоейное отношение выражают черно-белые цвета веревочки. Они символизируют яркие, сменяющиеся состояния космоса, света и тени, дня и ночи. Бесконечность Вселенной выражена через образ вечно перетекающей «восьмерки», внутри которой и вместе с которой протекает

жизнь человека.

Обряд «тұсаукесер» – «перерезание пут» – означает, что жизнь приняла его и мир принял его. Он теперь в серединном мире человека и свободно связан с синим миром небес и с цветом жизни земли, и это будет его вдохновлять и поддерживать всегда.

Обряд выражает пожелание долгого жизненного пути в благостном свете сменяющихся состояний космоса.

Подчеркнем еще одну, не менее значительную особенность совершаемого действия. Дело в том, что все знали (буквально каждый), как процедурно совершается обряд, что он означает, но не всегда знали, как именно тот, кто совершает обряд, осмыслит и закончит его, какими пожеланиями сопровождает, какими художественными образами обогатит творимое им действие, как глубоко развернет его в настоящее и в будущее, помимо всем известного смысла. Это ожидание сродни предвкушению поэтического состязания, т.е. здесь имеет значение богатство духовного мира человека, творящего обряд, и его духовно-творческая развитость.

Творящий обряд, как правило, стремится оправдать надежды собравшихся, завершить его сколь значимым, столь совершенным по форме словом, и таким образом, чтобы у всех собравшихся вырвались единодушные возгласы одобрения и удовольствия; и собравшееся множество (көпшілік) в свою очередь одарило бы его своим благословением.

Столь же глубоко содержателен обряд «тоқым қағар» – первый выезд за пределы аула.

Но ему предшествует другой знаменательный обряд – «ашамайға отырғызу» – посадка на ашамай –

деревянного коня. Значение коня в жизни казаха переоценить невозможно, казахи его выражают в следующей характеристике-связке: «қазақ ат үстінде өмір сүреді, ат үстінде өледі» – казах рождается на коне, жизнь проводит (живёт) на коне, умирает на коне. Этим все сказано. Можно привести пример из эпоса, например, «Камбар-батыр», где батыр Камбар так обращается к своему коню (и его отношение к коню полностью выражает отношение каждого казаха к коню):

Қанатты туған пырағым
Аға-іні сен едің
Тар жерде жолдас шырағым
Мойның алтын таяқтай
Қамыстай екі құлағың
Төрт аяғың қазықтай
Төңкерген кесе тұяғың
Сұлулығың сүмбідей
Жылқыға бітпес жануар
Сымбатың мен сыяғың
Ажалым жетіп осыдан
Өліп кетсем орным жоқ
Өзіңе мәлім бұл жағым
Шат болып тұрмай шырағым.

Крылаторожденный тулпар мой,
Ты и старший и младший брат мой,
В тяжелой теснине свет мой
... если погибну – связи нет у меня
Об этом ты сам хорошо знаешь,
Отчего же ты не стоишь
Довольно-радостно-счастливо-
восторженный!

Конь никогда не был лишь средством передвижения, отношения между ним и человеком одухотворены, опозитизированы и обоюдно притягательны. Именно по этой причине у казахов существует обычай посадки на деревянного коня. Ребенок слишком

мал, он не может еще дотянуться сам, своими ручонками, до гривы коня, но он уже вырос настолько, что сам держит спинку, и поэтому спешат как можно скорее ввести его в поистине сказочное, ожидаемое знакомство с конем. Значение коня в предстоящей взрослой жизни столь велико, что казахи не оставляют «пустот» в сознании растущего ребенка; через этот обряд ему передают такую информацию о коне, которая затем по мере взросления дает ощущение, что знал коня с рождения, а не только с того момента, когда смог, подтянувшись за гриву, взобраться на него. Обряд торжествен, подчеркнута раскрывается-распевается мотив «взросления» малыша настолько, что можно посадить на коня (деревянный конь – ашамай – естественно воспевается как настоящий), и одновременно этот «переход» – посадение на ашамай – сопровождается и песнопениями о легендарных тулпарах, живущих в казахских эпосах.

Этот обряд выражает и нетерпение встречи ребенка с конем, он приближает реальную встречу малыша и коня через идеально-реальное торжество, сокращает время до этой встречи.

Обряд «тоқым қағар» посвящен первому выезду за пределы аула, он означает близость к самостоятельной жизни. Обряд совершается в праздничной приподнятой атмосфере, пронизанной лучащейся доброжелательностью.

Особенный подъем и благожелательность всех присутствующих при совершении обряда связаны с бытующими у казахов представлениями о том, что чем сердечнее, искреннее пожелание, тем больше вероятность осуществления возлагаемых надежд. Здесь же речь

идет о подростке, начинающем свои первые шаги в большую жизнь, потому и царит атмосфера особой праздничной приподнятости, при этом важно, чтобы пожелания исходили от человека, внутренне «очистившегося», «освятившегося», осознавшего, что идет на праздник первого выезда «тоқымқағар». Приподнятое настроение взрослых освещало этот обряд светом нравственной чистоты. В свете этой общей настроенности перед началом пути благоговейно совершался обряд окропления молоком – «ақ» – всем светлым травы, земли и пространства вокруг. Этот обряд свидетельствует о том, что люди глубоко сознавали – за пределами их непосредственного индивидуального опыта существуют миры, с которыми они связаны.

Связь с раскинувшимся вокруг вселенским миром столь интимно-близка, что все его явления не просто одухотворены, но и оживлены, например, по-русски говорят: «весна пришла, лето пришло, осень пришла, зима пришла». По-казахски так сказать о временах года будет в корне неверно. Казахи говорят: «көктем туды» – весна родилась; жаз шықты – «лето явилось»; күз келді – «осень пришла»; қыс түсті – «зима пала».

И здесь смысл одухотворений заключается и в выражении благодарного чувства за эту тайно-явную взаимосвязь, и в выражении глубокопиететного отношения к земным и небесным мирам, и в выражении пожелания благополучного жизненного пути подростку, и в выражении благостного (көңіл көншіп) душевного настроения собравшихся (көпшілік). Этот обряд ярко раскрывает, что общение с Мирозданием, даруемое с момента зарождения, одухотворяет всю жизнь человека. Внутренний тонус этих

взаимосвязей столь глубок и богат, что он всецело пронизывает все существо человека. Человек чувствует эту животворную взаимонеотторжимость не только на уровне осознания-ощущения, не только на уровне душевно-духовного опыта, но и физически, едва ли не всем своим существом. И при этом следует не выпускать из виду, что в основе одухотворения всего живого и неживого, повсеместно бытующего поэтически-возвышенного культа окружающего мира (видимого и невидимого) лежит культура тенгрианства.

О постоянном общении с земными и небесными сферами свидетельствуют обряды, сопровождавшие все значительные периоды жизни, и «чистейшая духовность чувства», выраженная в них, дарует радостное осознание глубины и неотторжимости этих отношений.

Свадебный обряд, посвященный созданию нового очага (здесь не рассматривается весь богатый комплекс значений этого обряда, раскрывается лишь мироотношенческий аспект), включает в себя прежде всего испрошение благословения луны и звезд: «айың тусыноңынан – жұлдызың тусынсолынан» – луна пусть благословенно взойдет справа, да звезды благословят слева. Обряд обращения к небесным светилам раскрывает представления человека о «срединном мире», где «небесный» и «подземный» миры уравновешены в общей картине мироздания. Испрашивается благословение небесных светил, небесных сфер молодому очагу, создаваемой молодой семье. Затем, когда ожидается рождение ребенка, просят благословения земли и заставляют юную мать коснуться земли босыми ногами.

В обряде схвачено и образно выражено все бесконечное «измерение» Вселенной, значимое для всего жизнебытия человека: и вертикальный уровень, означающий верхний мир – мир синих небес, и нижний мир – мир подземно-темный, срединный мир – сияющий мир, и горизонтальный уровень: благословения молодым и слева, и справа, т.е. имеются в виду благословения всех четырех сторон света.

Кроме трогательного этического смысла для молодой пары, что и вселенский мир приемлет, благословляет их, обряд значителен и тем, что содержательно-образно раскрывает полноту представлений о мире, сколь бесконечном, столь и близком; этот мир так прекрасен, что осенен сакральным цифровым обозначением: вертикальный уровень (верхний мир, средний мир, нижний мир) и горизонтальный уровень (четыре стороны света) образуют сакральную цифру «7».

Общение-сопричастность со вселенским миром своеобразно сказывается на внутренне-духовном и физическом бытии человека в различные возрастные периоды.

Характерной направленностью казахской традиционной обрядовой культуры является то, что она не только изначально, с момента зарождения и рождения, «связывает» человека с Дүние–Вселенной, но и постоянно наращивает глубину, многосторонность и неисчерпаемость этих отношений. Бесценность этой культуры в том, что она неустанно развивала воображение и опиралась на него. Каждый обряд поэтому раскрывает своеобразную сторону, новую грань, новый нюанс мирараствующему ребенку. И примечательно, что развитие

воображения идет одновременно с развитием и обогащением внутреннего эмоционального душевно-духовного потаенного мира, и потому «приращение» в своей двуединости продолжается всю жизнь, взаимоотношение становится все проникновеннее, и эта проникновенность делается все глубже, поскольку с возрастом этот характер связей ощущается все полнее, все значительней.

Способность видения Дүние–Мира в его повсеместной бесконечности и необозримости и органичное ощущение-чувствование себя в гармонии и неотъединенности с ним является вечным источником вдохновения казаха (источник Иппокрены), придающим неотразимо-значимый смысл жизни при всей ее трагичности (индивидуально для каждого, жизнь ведь конечна).

В каждом возрасте раскрывается свой неповторимый и необратимый смысл расцвета человека и его отношений с Дүние. Например, в двадцатипятилетнем возрасте (качественные возрастные изменения как на духовном, так и на физическом уровнях ведутся у казахов по двенадцати годичному циклу) физическое и духовное состояние полны такой жизненной силы, что сама бесконечность Вселенной вдохновляет человека, молодой человек ощущает себя способным на своем скакуне проскочить «до края», узреть все богатство бесчисленных миров, стать больше самого себя, когда невозможное – возможно. Вдохновенно-радостное ощущение жизни столь ярко, что жизнь и мир в гармонии всех своих цветов кажутся сияющими – "жарқын дүние" – "сияющий мир".

Это не красно-зеленый мир 40-летнего человека. Казахи, говоря об

этом возрасте, отмечают «лаулап тұрған от пен тең» – возраст «пламенеющего огня». Этот период жизни находит выражение в сравнении «кынабынан алған-қылыштай» – «сверкающий меч, вынутый из ножен». Возраст высшего расцвета и полноты сравнивают еще с 40 днями «шілде» (шілде – название летнего месяца июля). Шілде – это и летний период, длящийся 40 дней, в течение которого все в природе достигает кульминационной высоты, апогея в своем расцвете, поэтому и говорят «қырықтың кызыл-жасылы» – «красно-зеленый мир 40 лет». Это художественно-поэтическое выражение смысложизненного содержания очень значительного этапа, обозначенного как «пламенеющий огонь». Сознание и душа не столь поглощены «мелочами» жизни, когда осмысление и обобщение в результате продуктивного воображения и интеллектуально-эмоционального созерцания охватывают жизненные и природные явления в широком контексте целого, что дает возможность видеть «возвышенные точки» жизни в их истинной содержательной полноте, а не только ее проявления в фрагментарном, случайном, неполном значении. Человек схватывает в целом перспективу реальных и искомых возможностей развития-развертывания, когда он грозно, словно горы, в надвигающихся обстоятельствах выдвигает навстречу аргумент – противовес, подобный зернышку пшеницы, и тем самым разрешает ситуацию – "таудай жағдайдың тарыдай қисынын табу". И потом, общаясь с миром Вселенной, имея такого «собеседника», всегда можно найти соразмерное решение всему, что может быть в жизни, потому что внутреннее основание, «платформа», на которой выстраивается вся жизнь,

– это и есть ощущение-осознание неотъединенности от Мироздания; этот масштаб и регулирует всю жизнь и поэтому существует такое выражение: «таудай сөзге-тарыдай қию бар» – «слову-горе есть противовес – слово с просяное зернышко».

В 40 лет «срединный мир» неотразимо притягателен, он по-особенному, совсем не так, как прежде, раскрывает свою красоту человеку в состоянии «пламенеющего огня». Изначальный опыт общения-взаимосвязи с миром природы, вселенским миром одухотворен, окрашен в мудро-уважительные тона бережности и тайной нежности. Блистательный возраст, позволяющий человеку уже и в горьком чувствовать, понимать сладость жизни. Общение с небесными, земными сферами выражается в спокойно-мудром, органичном понимании бесконечности жизни и мира. Потому что оно охватывает, проникая и пронизывая, самые глубокие, скрытые, лишь самому человеку ведомые «актуализированные» слои, уровни, сферы его душевно-духовности, и это дарует тихое и умиротворенно-спокойное настроение (кент кеншу), которое пронизывает все бытие человека. Такой терпеливо-приятный располагающий тонитонус сформирован контекстом отношений с миром, в гармонии с которым находятся умонастроение и жизненное поведение.

Но вот и благословенные 90 лет. Сидит человек возле юрты на маленькой шкурке, ни взлететь на коня, ни пролететь, «ветер и степь накрены», физически мир так приблизился, «сжался», едва ли не на расстояние брошенной палки. Но именно теперь, как никогда прежде, он глубоко воспринимлет и охватывает духовным взором бесконечность миров Вселенной, где

вокруг миров возвращаются миры, слышит музыку «вращения» небесных сфер. Он видит смысл гармонии неспешной жизни кочевника с неспешными ритмами Мироздания, неторопливо чередующими свои дни и состояния.

Он теперь постоянно окружен юными, молодыми лицами. Он сам стал «вселенской» величиной, мудрецом, теперь уже сам, освещенный светом устремленных к нему взоров, «разворачивается» к ним, рассказывая, что «жер мен ел – егіз» – «земля и человек, земля и народ ее – близнецы». Они рождаются «вместе», живут по-разному, но навсегда с осознанием-ощущением этой изначальной внутренней взаимосвязи. Он теперь знает и объясняет молодым, что «дүниенің кілті – төзімділік» – «терпимость – один из ключей дүние», здесь "дүние" и "вселенский мир", "мир природы", и "мир и жизнь людей". И то и другое в глубокой степени раскрыты им и раскрылись навстречу ему, он приобщен на определенном уровне к их тайне. Поэтому он теперь неустанно рассказывает, что именно *төзімділік* может приблизить человека к жизни природы, но это приближение возможно не просто через *төзімділік* – терпимость, но в купе с *көнтөрілік* – с выносливостью, но такой выносливостью, которая характеризуется как благородная выносливость, и вот здесь важно указать на очень тонкий контекст терпимости. Речь идет не вообще о терпимости и терпеливости, которые свойственны каждому человеку с различной степенью полноты, причем бывают и терпимость, и терпеливость, которые могут привести и к внутреннему саморазрушению, когда нарушена мера, пересечен предел. В данном случае речь идет о благодарно-благородном выносливом "төзімділік";

и благодаря этому благодарно-благородному тәзімділік – терпеливости можно приобщиться, может быть, к тайнемира. Эта терпеливость означает бережное и неустанное сосредоточение на лике и жизни и Вселенной, неустанное выражение к ней глубинного отношения, которое выливается в приобщение ко все новым уровням общения с нею, т.е. в возвышение человека. И по этой причине оно является одним из основополагающих философии жизни казахов.

Известно, что важнейшей характеристикой полноты бытия человека является его связь с прошлым и будущим. Но здесь очень важно не только ощущать-осознавать связь с прошлым и будущим, здесь существенно и то, что эта взаимосвязь зависит от полноты бытия в жизни настоящей, сейчас проживаемой каждым человеком. И на это особенным образом направлено внимание старца, мудреца. У казахов есть удивительное по смыслу и значению выражение «арқа сүйеу» (арқа – «спина», сүйеу – «поддержка, опора»). Всем известно выражение «арқа сүйеу» в обыденном значении; говорят, к примеру: «оның арқасы бар, арқа сүйеу бар» – «у него есть опора, есть кому его поддержать», и, конечно, у кого-то она есть, у кого-то ее нет...

Это значение общепотребительно, и узкий смысл его знает каждый. Но старик передает-вликает в души молодых, которыми теперь постоянно окружен, другой смысл, а именно: вечная опора и поддержка человека и сейчас и всегда – это Жарық Дүние – Мир-Свет. Означает одновременно и Жизнь, и Мироздание, чувство-понимание неотторжимости Жизни и Мира; вот это и есть вечная «арқа сүйеу», данная каждому человеку на уровне глубокого

внутреннего чувствования-знания. Оно живет в человеке всегда, и не приходится сомневаться ни в мощи, ни в вечности опоры «арқа сүйеу». Эта опора, данная на уровне глубокого внутренне-органичного ощущения-чувствования «своей» незыблемой «арқасүйеу», дарует каждому человеку особенную полноту жизни, поскольку напрямую выводит его на лично им самим воспринимаемую и особенным благотворным образом переживаемую истину, что вечен мир, вечна жизнь, вечна и его жизнь и через него самого, и через жизнь его детей и детей его детей. Ни с чем не сравнить эту его, человека, вечную душевнодуховную и креативно-бесконечную опору – Жарық Дүние. И вот казахи неустанно и вслух, и втайне говорят – обращаются к своей «арқа сүйеу» Жарық Дүние.

Эти горизонты бытия раскрывает старик, уже не взлетая на коня, не вдыхая летящий навстречу летучий, вечный запах полыни.

Эти старики «конденсировали» весь душевно-духовный опыт, «все знание», они нарекались именем мудрецов, и их всегда осенял ореол всеобщей признательности и поклонения.

И здесь уместно указать на самоценность этого духовно-душевного опыта, который измеряется заинтересованностью «көпшілік» («множества»), т.е. общества. Масштаб личности, ее общественная значимость в данном случае определяются богатством и мудростью этого опыта. Отсюда и ореол, которым окружены имена таких стариков. Их духовный опыт, представляя собой обобщение коллективного опыта, обретает неповторимую особенность. Накопленная «субъективная мощь» сосредоточена на сохранении и передаче «неписаной» культуры мироотношения из поколения в поколение.

И самое главное, что этот опыт взаимосвязи-взаимообщения – иштесу – с миром не записан и не зафиксирован раз и навсегда, но его, этот опыт, «носил» в себе, персонифицировал определенный человек в своем живом бытии. С собой, через себя он воплощал, осуществлял преемственность культуры мироотношения-миросозерцания. В этом смысле личность мудреца «повсеместна»: все услышанное, познанное им самим, индивидуально; все жизненно важное знание, имевшее место в прошлом и настоящем, современно, сведено воедино этой личностью, освещено единственным и неповторимым светом жизненного опыта этой личности. Притягательность такого духовного опыта заключается в том, что он слит с живой личностью, это «живой способ», в процессе которого преодолевается «дурная неслиянность и невзаимопроникновенность культуры и жизни»[1].

«Субъективная мощь» личности здесь выразилась в способности обобщать коллективный опыт до уровня его общей значимости, в которой «бытие коллективного опыта получало обобщение, именуемое мудростью»[2, с.145]. Бытие мудрости, олицетворенное в незаурядной личности, вызывая уважение, в то же время рождало желание приобщиться к этому большому опыту, имевшему и индивидуальное, и коллективное значение. В свою очередь, атмосфера почтительного отношения усиливала необходимость передачи этого опыта.

Дело не только в богатстве знаний, огромном опыте, жизненном и духовном, но и в масштабе самой личности. Именно такая личность несла в себе высокие критерии нравственности и потому становилась «старцем». И

в его лице мудрость таила в себе и некоторые незаменимые достоинства: она была не суммой информации, неким «самоговорящим бытием», но тем нечто, что непосредственно слито с живой личностью, воплощает преемственность духовной культуры.

В обращении-рассказывании старик в своем слове выражает «всеобщую» содержательность, она, эта содержательность, бесконечно притягательна, потому что не абстрактна, а вытекает из всего жизненного опыта, глубина которого заключена в бесконечной раскрываемости для устремленных к нему лиц. Поэтому слово такого старика общезначимо, обращение его к молодым прочувствованно переживается, а не воспринимается абстрактно-индифферентно; и потому все излагаемое им, передаваемое им становится неким неотъемлемым духовным достоянием каждого, становясь и «его опытом». И что особенно важно, принимается эта всеобщность содержания каждым всякий раз в свете своих индивидуальных возможностей, своего объема понимания и осмысления, что естественно, ибо каждый человек неповторим.

Старики являлись в казахском традиционном обществе конденсаторами-генераторами всеобщего духовного опыта. В данном случае мы рассматриваем в этом плане передачу ими «всего знания» из поколения в поколение, начиная с истории народа, поэтической истории, педагогики, воспитания в целом. Мы сосредоточили внимание на культуре миросозерцания и мироотношения, которую гармонично воплощал в себе «старик», учивший понимать гармонию мира человека и миров Вселенной, их взаимосвязь, общение как извечное

правило.

Уникальность культуры мироотношения во взаимопронизанности философско-умозрительного и жизненно-практического уровней опыта, здесь нет отъединенности жизни и культуры.

Нравственная драгоценность здесь заключена в том, что этим духовно-практическим опытом живет человек, опыт не остается в стороне сам по себе, как нечто, к нему можно время от времени по необходимости обращаться, но им пронизана вся жизнь человека, основывается на нем.

Мудрец в своем живом бытии воплощает опыт гармонического философско-умозрительного и чувственно-образного постижения мира. Он олицетворяет своим опытом, своей жизнью эмоционально-интеллектуальное «приращение», общение в его непрерывной преемственной передаче из поколения в поколение.

Всеобъемлющей национальной идеей является идея общения – іштесу, светом этой великой идеи одухотворена и окрашена жизнь каждого человека, она определяет внутренний тонус людей.

Сознание всех членов общества пронизано этой универсальной идеей, ею одухотворены все формы культуры казахского народа.

Заключение

Самочувствие человека – суть бытия культуры

Казахская словесно-художественная культура развивалась преимущественно в устной форме. Природу, философско-эстетическую содержательность, живую атмосферу поэтического слова раскрывают такие органичные сущностные характеристики, как общение. сотворчество, импровизация.

Смыслообразующей характеристикой устной культуры является общение. Чувство общности и общения, возникающее у слушателей – субъектов устной культуры, объединенных единством протекания духовного события (жыр, толғау, исторические песни, айтыс и т.д.), носило глубоко креативный характер.

Внимающее слушающее множество (көпшілік көтермелеуі) качественно насыщает происходящее духовное явление. Универсальность устной словесности состоит в том, что в становящемся художественно-эстетическом мире находит самораскрытие каждый слушатель. Богатство полифонических отношений, устанавливающихся в процессе протекания духовного явления (например, поэтического состязания), заключается как во взаимодействии-взаиморазвитии, так и во взаиморасположенности, в приятии друг друга, в приязни друг к другу. При этом отметим праздничность, приподнятость атмосферы, свойственной духовным явлениям изустности как ее постоянный поэтический «плерер». Праздничность особенно вдохновенна и упоительна еще и благодаря «встрече» друг с другом стольких лиц. Лицезрение – существенное вдохновляющее начало в устной культуре. Доставляет удовольствие смотреть в лицо человеку, произносящему слово (это необходимо еще и для того, чтобы лучше и полнее схватить сказываемое) в лица тех, кто рядом слушает; общность реакции на сказанное, например, одухотворяется светом лиц, радостно вдруг взглянувших друг на друга. Во время протекания событий устной культуры (айтыс, жыр, толғау ит.д.) царит особая, летучая, сияющая аура, сотканная из света

душевной расположенности слушателей друг к другу, блеска глаз, лучистости лиц, обращенных друг к другу, радости и психологической комфортности. В этом одно из отличий изустности от письменной культуры, где приходится работать с книгой, смотря только в нее. Умение читать по лицу и о сказанном (почему именно так сказал, что за этим стоит) и особенно о несказанном, увидеть душевное состояние и выказать соответствующее отношение является органичным для каждого слушателя.

Была глубоко развита тонкая культура видения лица человека, его душевно-духовного света, умения проникновенно читать по лицу. Интересно, что существует множество определений лица – жарқын жүзді, ашық жүзді, жылы жүзді, шуақ жүзді, арайлы жүзді, нұрлы жүзді, игі жүзді, иманды жүзді и т.д. – «сияющее лицо, открытое лицо, теплое лицо, лучистое лицо, светносное лицо, доброжелательное лицо, располагающее лицо» и т.д.; много этических характеристик лица – жұқа бет, суық бет, қалың бет, көк бет, қара бет и т.д. – «тонкое лицо, холодное лицо, синее лицо, плотное лицо, черное лицо» и т.д.

Душевно-эмоциональное состояние определяли и по лицу, и по выражению глаз, но особенно много узнавали по векам, положению и состоянию бровей, движению ресниц и т.д. Это была огромная культура бережного общения.

Именно общение – іштесу – является содержательной сущностью устной культуры, в нем заложено нечто из «мира высших целей», ибо несравненно живое общение, и ничего нет на свете, что можно было бы ему противопоставить по значению. Об этом писал и Гёте в своей «Сказке о змее и прекрасной лилии»:

«Откуда ты?» – спросил король.

«Из расселин, где родина золота», – ответила змея.

«Что великолепнее блеска золота?» – спросил король.

«Сияние света», – ответила змея.

«Что живительнее света?» – спросил король.

«Беседа», – ответила она.

Каким бы ни было явление устной культуры – повествование, поэтическое состязание, сказания жырау и жыры, толғау, – смысл и значение оно приобретает благодаря внимающему множеству (көпшілік көтермелеуі), оно постоянно приподнимает, возвышает его, освещает изнутри, обогащает. Важен при этом благотворный психологический климат, при котором происходящее событие вмещало бы всех желающих и в то же время объединяло их в новое и «равное» единство. Поэтому такое глубинное общение, возникающее на нравственно-духовных началах, озарялось праздничностью и светом какой-то детской непосредственности. Чувство единения с обществом непосредственных слушателей усиливалось и обогащалось по мере развертывания поэтического события в зависимости от того, какие, например, упоминались исторические события в жизни народа, где, когда они происходили, свет какой личности несли на себе и т. п. Происходило понимание, одухотворенное общением.

Решение об истинности и красоте прозвучавшего, о поэте-победителе выносится здесь же и всеми вместе. Не существовало институтов жюри с их тайной совещания и голосования. При изустности слово творится на глазах у внимающего множества, и решение «творится», выносится всеми, при этом руководствуются критериями нравственности, художественности

услышанного, его общезначимости. Атмосфера «стихии всенародного праздника» (эстетика устного слова неотделима от стихии праздничности), праздничная приподнятость, поэтически-взволнованная настроенность каждого слушателя создают высокое и радостное самочувствие – кеңіл кәншүі. Именно это самочувствие является непреходящим культурным приобретением.

Оно выступает, на наш взгляд, жизненным эфиром устной культуры. Глубокое семантическое богатство таится как в непосредственном созидании – творении произведения словесного искусства, так и в тех человеческих отношениях общения, которые при этом возникают. Это именно звездные мгновения изустности, когда Истина, Доброта и Красота, взаимоозаряясь, предстают в своем единстве, и свет этого общения затем долго сияет в череде будней.

Явления устной культуры лишь внешне выглядят монологами, но в них всегда присутствуют «голоса» всех воспринимающих, которые обогащают устную форму, обеспечивая ее семантическую содержательность. Внутренний художественно-поэтический полилог – сущностная характеристика изустности. Эстетическая особенность в ней видится в активном восприятии и воздействии «возвышающего множества» (көпшілік көтермелеу), полифонической гармонии разнообразного слушающего множества, объединенного в единое целое временем протекания духовного события.

Возможности слушающего множества еще более высвечиваются при рассмотрении связи изустности с глубокими традициями поэтической

импровизации, с культурой поэтического слова. Наше понимание изустности будет обедненным, если мы будем представлять ее произведения лишь как творения поэтов-импровизаторов (что несомненно) и не учитывать значения слушающей аудитории, имея в виду развитие и самочувствие самой человеческой личности.

Как правильно отмечает О.М. Фрейденберг, людям современного века следует усвоить, что слушание есть многозначное действие, в котором одна сторона произносит, обращается, другая – активно внимает и составляет существенную часть общего целого.

Здесь необходимо раскрыть характер общения – іштесу, который устанавливался между слушателями.

Слушание вмещает всех желающих, этот благоприятный психологический комфорт осиян еще и душевной праздничностью, возможностью встретиться и порадоваться встрече. Такая высокая и праздничная атмосфера воцарялась только на время протекания духовного события, только на этот краткий момент внимающая аудитория вступала в утопическое царство свободы, независимости от всех «определенных условий», от иерархических отношений, привилегий, норм. Сколь свободно каждый мог слушать, столь свободен он был в своем суждении об услышанном. Самое существенное – столь же значимо было суждение каждого в общем решении об истинности и красоте прозвучавшего.

Неисчерпаемая значительность состоит в том, что слушатель представляет собою не просто пассивно внимающую частичку протекающего целого; но его необходимо креативную содержательную основу. Это глубинное духовное общение, и оно неповторимо,

поскольку события устной культуры имеют форму живого протекания, и этим бесконечно притягательно.

Аудитория не пассивно слушает, но одновременно готовит свой ответ, который в той или иной степени может совпадать или не совпадать с прозвучавшим ответом. Активное понимание – существенная сила, действительно участвующая в развертывании творческих возможностей как акынов, так и самих слушателей.

Разнообразная среда могущих тут же прозвучать слов в сознании слушателей дана говорящему как мощное «силовое поле», чреватое ответами и возражениями. Акын это знает, и именно это особенным образом его возбуждает и вдохновляет. И вот на это-то поле, а не только на ответ соперника, направлено, установлено его внимание. Слово поэтического состязания, слово акына размыкается в напряженно-взволнованное поле воспринимающих сознаний аудитории. Понимание созревает в ответе, который в известной мере мысленно содержит в себе вся аудитория, выражая его взрывом радостного одобрения или гулом неприятия. Это общение, и одновременно оно есть творческая основа событий устной культуры.

Внимающее множество (көпшілік) качественно насыщает происходящее духовное явление, в то же время неизмеримо усложняет задачу акына (жырау, жырши, повествователя), так как он должен чувствовать его, понимать и мгновенным образом реагировать на него. Поскольку акын, жырау, сказитель обычно были незаурядными личностями, понимавшими и мгновенно схватывавшими сокровенные движения человеческой души и выражавшими

это понимание в художественном поэтическом слове, то и происходило событие-действие общезначимого масштаба.

Состояние слушателей, почти адекватно понятое и выраженное, столь же полно в прозвучавшем слове акына (жырау, жырши), присуще в этот момент одновременно многим другим, но теперь переставшее быть только внутренним, но уже ставшее общим достоянием – вот то «приращение» из сферы идеалов, которое дарует общение при устной культуре.

Эта сущностная взаимность и является весьма глубокой особенностью устанавливающегося общения.

Взаимодействие, по существу взаиморазвитие, обеспечивает одновременное событие духовного многообразия. Такое общение (расположение и принятие каждого каждым) имеет глубокое духовно-нравственное значение, так как в основе него лежит общение как таковое, общение ради общения. Человеку вечно присуща жажда общения. Уместно обратиться к мысли А.А. Ухтомского о том, что у человека все силы и все напряжение, вся целевая установка должны быть направлены на то, чтобы прорвать границы и добиться выхода в открытое море – к «ты» [4, с. 371–437], т. е. к собеседнику, слушателю. Ухтомский-богослов, Ухтомский-физиолог знал человека, его духовные и физические особенности, и поэтому он такое значение придавал собеседнику. В данном случае мы обращаемся к тезису А.А. Ухтомского, чтобы подчеркнуть глубину и неисчерпаемую значительность общения в условиях устной словесно-художественной культуры.

Полнота общения тем богаче и

значительней, что в нем весьма своеобразно, отраженно, почти «воздушно», чем глубже выражаются, реализовываются в нем потенциальные творческие возможности каждого слушателя. И в этом процессе слушания-общения каждый человек и все вместе не просто вдруг выходили из состояния погруженности в непосредственное течение жизни, но вырывались за пределы всех зависимостей, происходило восхождение к бытию более высокого плана, где именно и созидается, «растет» человек, именно это самочувствие человека было самым главным обретением, было самоценным. И оно имело место, создавалось благодаря феномену сопереживания, сотворчества.

Это слушание-общение содержит в себе еще один внутренний уровень, который раскрывает творческие возможности каждого слушателя. Этим феноменом устной культуры является сопереживание-сотворчество, в котором и через которое выражается полнота мироотношения человека как творческого субъекта. Духовно-интеллектуальное общение в условиях устной культуры выражало себя и на уровне сопереживания, проявлявшемся в сотворчестве, все слушатели были одновременно сотворцами происходящего духовного события, поэтому слушатели, субъекты устной культуры могли генерировать (создавать, передавать) духовные ценности на уровне непрерывного преемственного развития.

Сам феномен сопереживания, как таковой, имел огромное, неопределимое значение в историческом развитии не только человеческих взаимоотношений, но и самой человечности отношения человека к миру [5, с. 204].

Сопереживаниесущностно характеризует человека, через него он выражает отношение к другому человеку, обществу, окружающему миру, эта особенность характеризует человека как эмоционально богатого, духовно-высокого субъекта.

Здесь же, в силу того, что мы рассматривали общение как суть бытия устной художественной культуры, феномен сопереживания-сотворчества, являющийся внутренней подпочвой этого общения, предстает еще более значительным и семантически богатым явлением. Речь идет о сопереживании в процессе протекания событий устной культуры, выражающемся каждый раз как сотворчество, т.е. сопереживание, рожденное, одухотворенное силой творчества и воображения. И по этой причине события устной культуры (повествования, жыры, толғау, айтысы) вечно кружат голову и заставляют рассияться в улыбке лицо при одном лишь упоминании. Передача духовного опыта в условиях изуственности представляет собой также обмен «внутренним миром» путем непосредственного приятия и выражения отношения к воспринимаемому. Притягательность и богатство изуственности в том, что собравшиеся, слушая одно и то же, созидали о слушаемом в своем воображении различные миры как по силе образности, так и по глубине смысловой содержательности. В момент общения восприятие происходящего духовного явления каждым слушателем было индивидуально-неповторимым в соответствии с его духовным миром. Отметим и то, что на протяжении столетий складывалась такая культура сопереживания-сотворчества. Она развивала в человеке способность к восприятию звучащего слова, чуткость

реакции, формы выражения приятия или неприятия (одобрения и восторга), в то же время способствовала возможности творчески полностью раскрыться акыну поэту. Взаимопонимание, существовавшее на таком уровне, обеспечивало событие разнообразных миров слушателей в едином процессе. Сопереживание-сотворчество связано с глубокими моментами «приращения», т.е. такими качественными особенностями, которые доказывают: слушание – активный полилогический (в отличие от монологического) процесс, содержательно наполненный гармоническим многообразием миров слушающего множества. Одухотворяющим началом в нем является живая нить эстетического сопереживания. И результатом созидания становится тот душевный и духовный взлет, который и делает явления изустности ценностно неповторимыми.

Сами условия протекания изустности – его общественная форма – создали возможность человеку «развить свою истинную природу» как творческому субъекту через сопереживание-сотворчество. Оно в данном случае выступало эстетически формулирующей деятельностью. И чувствование-восприятие событий изустности происходит одновременно в живом процессе «рождения», созидания духовных феноменов устной культуры, вот здесь «смысловое поле» сопереживания-сотворчества обретает качественную содержательную полноту.

Здесь важно значение и эмоционально-психологического климата. Сколь естественно и непринужденно человек вступает в атмосферу слушания, как свободно выражает свое отношение к нему.

В процессе многовековой практики слушания культивировались именно те способности и человеческие сущностные силы, которые наилучшим образом выражались, раскрывались в этой форме творчества, и вовлекались в то же время в усвоение его произведений, т.е. был создан общественно выработанный способ художественного восприятия и воссоздания мира. Поэтому способность к сопереживанию-сотворчеству была развита как в плане эмоционально-интеллектуальном, так и «материальном» (универсально развитая память и ораторское искусство – огромные эпосы, дастаны, айтысы помнились наизусть, легко и естественно при необходимости воспроизводились).

Человек устной культуры был весьма искушен в ее правилах, легко входил в художественно-эстетический мир Сотворчества, одновременно созидая и творя себя.

Если иметь в виду этот аспект, то надо указать, что жизненный мир человека был практически пронизан поэтическим словом, все необходимые жизненно практические акты и действия были оформлены в художественную форму, передаваемую из поколения в поколение: через семейно-бытовые обряды, обряды, общие для всей этнической целостности, обряды-действия. Налицо, с одной стороны, пронизанность поэтическим словом буквально всех сфер человеческой жизни («практическая» пронизанность), с другой – самая глубокая актуализация эмоциональных, интеллектуальных потенций (в смысле необходимого и запоминания и воспроизводства). Пожалуй, по значению в этом плане поэтическое слово можно сравнить только с песней и узором: они вкуче являются своего рода вечным

«аккомпанементом» всей жизни человека в условиях кочевого общества.

Контекст жизнедеятельности был таков, что изустность могла развить именно такое свое значение. Смысловая емкость здесь связана с самой формой сопереживания-сотворчества, которая в процессе протекания событий изустности способна охватить собою разновременные и многокачественные слои человеческого духовного опыта. Сопереживание-сотворчество – процесс, когда происходит усвоение, индивидуализация слушаемого, когда требуется включить весь свой жизненный духовный опыт. Через эту форму сопереживания-сотворчества слушающие обретают полноту бытия, этим кратким, но столь содержательно богатым мгновением бесконечно дороги были события изустности.

Культурным итогом такого усвоения стали духовные творения, теперь являющиеся достоянием современного общества.

Природа изустности, ее «правила» таковы, что через сопереживание на уровне сотворчества она осуществляет свою культурную программу творчества.

Каждый человек-слушатель, реализуя свои творческие возможности как активный субъект культуры в форме сотворчества-сопереживания, в то же время остается «анонимным». Смысл заключается в следующем: услышать и одновременно выявить свое внутреннее «я», а не быть еще и названным. То есть общение направлено в первую очередь не на выявление себя вовне «для называния», а на «выявление» для внутреннего самочувствия, внутреннего удовольствия. Богатство смысла изустности заключается в том, что каждый человек-слушатель, воспринимая слово акына или жырау

и др., чувствует, как сам раскрывается, «растет», услышав старое, узнав новое, запоминая его. Эту душевно-духовную полноту каждый из слушателей сможет потом по-разному передать при встречах, беседах, вновь и вновь переживая волнение и подъем.

В устной культуре происходит развитие способности к творчеству каждого на уровне сопереживания, сотворчества, причем она ввиду постоянной возможности совершенствования достигает значительной высоты – уровня общественно значимого, поскольку каждый способен и в состоянии на эту трудную и «чистейшую духовность чувства». При этом уровень сотворчества может быть самым разным по степени содержательности, и это зависит от того, каково по своим индивидуальным способностям воспринимающее множество, в какой степени каждый отличен один от другого и неповторим. Поэтому естественно разнообразие уровней осмысления услышанного, глубины понимания, поскольку при этом общении включались жизненные миры каждого, отличающиеся богатством или бедностью ассоциативных связей. Сопереживание-сотворчество является вдохновляющим началом, своего рода непосредственной средой и подпочвой, без которых немислима культура изустности.

И следует иметь в виду ту «избыточность», которая создается при этом и которая не является результатом духовных поисков и усилий отдельной личности, несводима к этому, хотя в равной мере и принадлежит каждому человеку. Общее духовное состояние интересно тем, что прозвучавшее слово (хотя и не сказавшее всего «знания» о предмете) дополнилось тем, что знали

об этом сами слушатели, и обрело такую глубину содержания, ту самую «избыточность», которая является, как нам кажется, еще одной содержательной особенностью устной культуры.

Эту глубокую значимость общения-сотворчества, устанавливающегося в процессе событий изустности, нужно непременно учитывать как одну из главных составляющих данной формы духовности. Именно оно делает особенным качество общения при явлениях устной культуры. Именно этот мир сопереживания-сотворчества по своему раскрывает ту содержательность, что общение само по себе шире всех его форм, представленных в самых различных проявлениях, что только в общении и раскрывается смысл бытия человека, в той лучезарной устремленности, в том «свечении навстречу друг другу человеческих сущностей».

Мы уже отмечали, что общение есть всепроникающая сущность традиционной казахской культуры, и многоуровневые формы его различно выражены в разных формах культуры.

Казахская традиционная музыка имеет в своей основе общение и как лицезрение, и как взаиморазвитие (біркөтеріліп қалу – «приподняться, возвыситься») и как взаимопроникновение на уровни заветно-сокровенного – іштесу. Казахские кюи, инструментальная музыка в целом предполагают, как и художественно-словесная культура, прежде всего развитую культуру слушания, здесь непременно, как и при событиях устной словесности, органичным подтекстом-подпочвой является сопереживание-сотворчество, присущее каждому слушателю.

Очень содержателен кюй как в плане

миросозерцания-мироотношения, так и в плане выражения этого отношения чувствования каждым – и исполнителем, и слушателем.

Казахская традиционная космогония содержит огромный пласт древних мифов о рождении Вселенной. Так, она раскрывает, что первоначально Вселенная была Музыкой (Имеется в виду онтологический аспект, а не музыка как форма искусства.) К примеру, если по ведийской мифологии считается, что в изначальном мире, когда не было дня и ночи, нечто недифференцированное «дышало», не колебля воздуха [6. с.121], то в казахской традиционной космогонии имеется в виду, что такое первоначальное «дыхание» и есть музыка. Здесь выражено представление о происхождении мира. Такое осмысление гармонично с тенгранством, где одним из семи сущностных воплощений мира является кюй (как состояние мира). Эту первоначальную вселенскую содержательность и эмоциональную насыщенность содержит в себе шаманская музыка, будучи соединением трех уровней (верхнего – среднего – нижнего) Мира, которая приобщает человека к первоначальному целостному состоянию мира, «воссоединяет» его с ним. Шаманская музыка требует очень высокого развития воображения и столь же высокого уровня развития интеллектуального и духовного опыта. Она вообще исключает бытие человека вне взаимосвязи-взаимослитности с природой, со Вселенной в целом, поэтому изначально раскрывает, полагает отношения с Миром распаханто-внемасштабными. Конечно, для этого требовалось особо высоко развитое воображение, и оно было востребовано и развито настолько, что воспринималось

органично и естественно положение: адам әлем біртұтас – «человек и мир взаимосвязаны, целостны».

Одним из величайших достижений традиционной казахской культуры является то, что она выработала адекватный самому Мирозданию способ осмысления-отношения – созерцание и способ выражения этого отношения – художественный образ, потому что художественный образ благодаря своей целостности в состоянии выразить многоуровневость и содержательность мира в их целостном единстве. Мощный и равновеликий тезис «человек и мир изначально взаимосвязаны» выражен поэтически проникновенно, художественно неотразимо и философски безупречно – адам мен әлем біртұтас. Знаменательно, что есть кюи, посвященные Миру-Мирозданию. Есть кюй Таттимбета (XIX в.) «Сар жайлау» – в нем вдохновенно воспевается совершенство мира; есть кюй Хана Аблая «Қара жорға» – в нем настроение человека раскрывается как вселенский мир. Эти уровни говорят о способах мироотношения и формах их выразительности. Традиционная казахская музыка вмещает в себя «начала» и «концы» Мира, неслучайно кюй мог вернуть человека к жизни в прямом смысле, поэтому и неслучайно один из принципов Конфуция заключается в следующем: если хочешь узнать и понять душу народа, то попытайся понять его музыку. Казахская традиционная музыка синкретично содержит в себе все три уровня: мирозерцание, мир как настроение (көңіл) и душевно-духовный мир кюйши и слушателя. Другое дело, что каждый раз при исполнении и слушании может превалировать тот или иной мир, но это уже и бесконечность.

Бесконечность и гармоничность отношений «человек и мир» таинственным образом запечатлел казахский орнамент. Орнаментальные узоры грандиозные, словно эпос, умиротворяют, как горизонт в степи. Как и песня, орнаментальный узор был постоянным аккомпанементом всей жизни казахов. Белоснежная кошма юрт украшена узором, узором затканы бау и баскуры юрты, узорчаты ковры и сумки на стенах, наконец, украшен узором свадебный женский головной убор, переливаются серебром узоры седла степных скакунов.

Мир, окружавший кочевника, опозитизирован в узоре. Орнамент молчаливо свидетельствует о совершенном эстетическом чувстве. В орнаменте народ решил одну из сложнейших задач искусства – проблему своеобразного художественного синтеза, выражавшего отношение к вселенскому миру, являясь в то же время художественно-эстетическим средством оформления своей жизненной среды.

Казахскому орнаменту присуще одно поистине удивительное свойство – принцип равновесия. Являясь высшей формой обобщения, типизации явлений, этот принцип, отражая особенности пространственно-временной ориентации кочевника-скотовода, свидетельствует об органичной взаимосвязи мира человек и мира Вселенной.

На казахских ковровых изделиях – сырмаках – всегда сохраняется принцип равновесия фона и орнамента. При скупом использовании тонов и сравнительно небольшом количестве орнаментальных мотивов ковры производят впечатление богатого разнообразия, в то же время тема в них не прочитывается легко и быстро. Благодаря принципу равновесия

достигается более спокойное впечатление. Это во-первых. Во-вторых, не поражая глаз пышной и богатой игрой тонов и красок, казахский орнамент притягивает как бы загадочностью рисунка. Загадочным является использование фона, на который накладывается орнамент, в качестве такового же орнамента, словно олицетворяя органичное бытие человека как «малого» космоса в неотъединенности со Вселенной. Равновесие – особенность казахского орнамента, глубочайшее обобщение,

вобравшее в себя отношения «Человек и Мир».

Цветовая символика вместе с этим удивительным принципом «размещения» орнаментальных мотивов заставляют вечно вопрошать о вечном: что – чему – кому и как предпослан в этом жаркын Дүние – сияющем Мироздании, если испокон веков концептуальные представления человека о нем и концептуальные эмоциональные чувствования его и естественно взаимосвязаны, и органично взаимосвязаны.

Литература:

1. Бахтин М.М. К философии поступка: ежегодник. – М.: Наука, 1982–1984.
2. Иванов В.П. Человеческая деятельность–искусство–познание. Киев:Наукова думка, 1977. –с. 145.
3. Проблема нравственной культуры общения. –Вильнюс,1988.
4. Ухтомский А.А. Письма// Пути в незнание: сбор. Вып. 10. – М.: Молодая гвардия, 1973. –с. 371–437.
5. Иванов В.П. Человеческая деятельность–искусство–познание. –Киев: Наукова думка, 1977. –с.204.
6. Кёйпер Ф. Б. Я. Труды по ведийской мифологии. –М.: Наука, 1986. –с.121.

АДАМ МЕН ӘЛЕМ: ҚАЗАҚ ҰЛТТЫҚ ИДЕЯСЫ

Қ.Ш. Нұрланова

Т.Қ. Жүргенов атындағы Қазақ Ұлттық өнер академиясы, Алматы, Қазақстан

Аңдатпа

Ғылыми еңбекте тұңғыш рет “араласу” ұғымының – ұлттық бүкілқамтушы идея ретінде мазмұндық негіздемесі құрастырылған,ғылымитұрғыдан негізделіп, ашылған. Барлық уақытта адамдарды оның көңіл-күйі, сезімдері мен жағдайы мәселесін қалыптастыру қызықтырды.Ол оның әлеммен көзге көрінетін және көзге көрінбейтін бойлық бойынша қатынасының деңгейімен, осыған соңында байланысты болып табылатын өмір сүру ұзақтығы және өмір сүру сапасы, өмірінің болмыстық мағыналылығы мен өмірлік сезімінің толықтығы үшін Ғарыштық Әлеммен байланысудағы байланыс қажеттілігінің шектеулілігін түсінуіне байланысты. Қал-жағдайы, өзін сезінуі – мұнда тек қана физикалық күй емес, сонымен бірге, эмоционалдық-зерделігі, көңіл-күйі мен психологиялық жағдайлылығы – толық мәнді болуы тиіс, оның өмірінің қиын соқпақтарына қарамастан, бүкіл өмірі нәзіктікпен сәулеленіп, көздері күлімдеп, жүзінде күлкі назы пайда болады. Көп жағдайда ол адамның қандай деңгейде ақиқатты түрде өзіне, басқа адамға, қоғамға, табиғатқа, Ғаламға деген қатынасын құруында. Араласу – Әлемніңерекше рухани-әмбебапты өзарақатынасу формасы ретіндегі бүкіл тұтастықта, қазақ “мәдениетініңбарлық түрлерінің” негізінде жатқан жалпы қамтушы ұлттық идея болып табылады. Қазақ түсінігіндегі – адаммен араласып, қатынасу – өсімдік әлемі, сумен, бүкіл Ғаламмен қатынасу – бұл болмыстың мәні, бала күнінен берілгеннен бастап адамның бүкіл өміріне рухани азық болатын қасиет. Ол өмірдің барлық көріністеріне алғыс, әрі тынысын ашатын терең сый ретінде танылады.

Тірек сөздер: араласы, әлемге қатынас, рухани-әмбебапты түрлер, қазақтар, ұлттық идея.

A HUMAN AND THE WORLD: KAZAKH NATIONAL IDEA

K.Sh. Nurlanova

T.K.Zhurgenov Kazakh National Academy of Arts

Abstract

For the first time the concept of communication as a comprehensive national idea is formulated, scientifically substantiated and meaningfully disclosed in the article. People were concerned about the problems of forming human's well-being at all times. It depends on the level, breadth of its connections with the world, visible and invisible, which ultimately determine the life expectancy and quality of life, the meaning of the vital content of being and the understanding of the organic necessity of communication with the world of the universe for the fullness of the sense of life. The state of health – not only as a physical condition, but also as emotional-intellectual, mental and psychological comfort – must be full, then the eyes shine, the face shines with a smile, the whole life is permeated with quiet light, for all its complexity. In many respects, if not in everything, it depends on how correctly the attitude of a person is worked out towards himself, another person, society, nature, the Universe. Communication – as a special spiritual-universal form of relations with the World as a whole, underlying the entire Kazakh “traditional culture in all its forms, is a comprehensive national idea.” Dialogue with a Human, understood by the Kazakhs as the meaning of being, communication with the world of grass, water, with the universe, given from infancy, spiritualizes the whole life of a human being. It also gave a deep grateful-reverential attitude to all manifestations of life.

Key words: communication, attitude towards the world, spiritual-universal forms, Kazakhs, national idea.

Сведения об авторе: Нурланова Канат Шыңқожаевна – доктор философских наук, профессор Казахской Национальной Академии искусств имени Т.К. Жүргенова.
e-mail: kaznai.nauka@mail.ru

Автор туралы мәлімет: Нурланова Канат Шыңқожақызы – философия ғылымдарының докторы, профессор, Т.К. Жүргенова атындағы Қазақ ұлттық өнер академиясы.
e-mail: kaznai.nauka@mail.ru

Author's data: Kanat Shyngozhaevna Nurlanova – Doctor of Philosophy, Professor, T.K.Zhurgenov Kazakh National Academy of Arts.
e-mail: kaznai.nauka@mail.ru